

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОЗНАВАТЕЛЕЙ СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В 1930-е ГОДЫ

Д. Н. Шкаревский

*Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации*

Поступила в редакцию 24 декабря 2024 г.

Аннотация: анализируются основные руководящие документы органов дознания вооруженных сил СССР – инструкции 1923, 1933, 1940 гг. Автор приходит к выводу о незначительной эволюции этих документов. По его мнению, их издание было связано с действовавшей моделью правосудия. Как правило, они издавались после завершения политико-правовых кампаний, в процессе восстановления социалистической законности. Их основная цель состояла в повышении уровня дисциплины в войсках и авторитета командования.

Ключевые слова: советская юстиция, специальная юстиция, военная юстиция, военные трибуналы, военная прокуратура, кампанийское правосудие, И. Сталин.

THE REGULATION OF THE ACTIVITIES OF INVESTIGATORS OF THE SOVIET ARMED FORCES IN THE 1930TH

D. N. Shkarevsky

*Military University named after Prince Alexander Nevsky
of the Ministry of Defense of the Russian Federation*

Abstract: the main guiding documents of the enquiry of the armed forces of the USSR – instructions of 1923, 1933, 1940 are analysed. The author concludes that these documents have not evolved much. In his opinion, their publication was related to the existing model of justice. As a rule, they were issued after the completion of political and legal campaigns, in the process of restoration of socialist legality. Their main purpose was to increase the level of discipline in the troops and the authority of the command.

Key words: Soviet justice, special justice, military justice, military tribunals, military prosecutor's office, campaign justice, I. Stalin.

В настоящее время изучение деятельности различных аспектов военного права обусловлено практическими потребностями. Сегодня необходимо обобщать и учитывать исторический опыт организации деятельности органов дознания в вооруженных силах СССР. К сожалению,

советские исследователи уделяли незначительное внимание органам дознания. В центре их исследований находились военные трибуналы и органы военной прокуратуры¹. Такое положение сохраняется до сих пор. Многие аспекты данной темы остаются за пределами интересов современных исследователей. В частности, практически не изучены вопросы правового регулирования органов дознания в 1930-е гг.²

Во многом это обусловлено отсутствием доступа к некоторым источникам. Так, инструкции органам дознания 1929 и 1931 гг. труднодоступны. Инструкции 1933 и 1940 гг. были опубликованы³. Однако данный сборник практически не доступен исследователям в Российской Федерации. Поэтому цель статьи состоит в выявлении особенностей правового регулирования органов дознания в 1930-е гг. на основе анализа доступных нормативных актов 1930-х гг.

Попытки специальной регламентации деятельности органов дознания в вооруженных силах стали предприниматься в ходе первой советской кодификации. Так, в 1923 г. приказом РВС СССР № 2024 была введена в действие «Инструкция для производства дознания в военном и в военно-морском ведомствах». Она была составлена на основе принципов Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, принятого в 1923 г.⁴ Данный документ, с изменениями, действовал до 1929 г.

Инструкция 1933 г. ориентировала органы дознания на борьбу с дисциплинарными проступками по принципу «судить меньше, но более четко и организованно». Органам дознания настоятельно рекомендовалось принимать решение о предании суду только после тщательного изучения личности правонарушителя и его классового происхождения и положения.

Подбор дознавателей должен был производиться командиром части при участии военного следователя из числа лучших командиров и политработников. На полк назначалось 6 дознавателей и 3 заместителя сроком на 1 год. К дознавателю предъявлялись следующие требования: политическая выдержанность, безукоризненная дисциплинированность, знание приказов РВС, безусловная общая грамотность и отсутст-

¹ См.: *Кожевников М. В.* Подсудность уголовных дел. М., 1939. 25 с.; *Долицкий В.* За что судит военный трибунал. М., 1931. 50 с.; *Голунский С. А., Карев Д. С.* Военные суды и военная прокуратура. М., 1940. 220 с. и др.

² См.: *Ковальских Д.* Военная полиция Министерства обороны Российской Федерации как орган дознания. Проблемы нормативного регулирования процессуальной деятельности // *Военно-юридический журнал.* 2023. № 6. С. 12–16; *Шкаревский Д. Н.* Деятельность органов дознания в вооруженных силах СССР в 1930-е гг. // *Военно-юридический журнал.* 2024. № 5. С. 42–45.

³ См.: *Сборник документов по истории советской военной юстиции /сост. Л. Н. Гусев.* М., 1951. 480 с.

⁴ См.: *Тепин М.* Руководство по ведению дознаний в частях и учреждениях РККА. М.; Л., 1928. С. 109–110.

вие судимости. Его деятельность должна была проходить под контролем военного следователя.

Действия дознавателя, по сравнению с инструкцией 1923 г., серьезно ограничивались (осмотр документов, допросы, осмотр места происшествия, обыски с разрешения командира). Но при этом военный следователь мог поручать ему проведение отдельных следственных действий.

Инструкция 1933 г. различала следствие, дознание, расследование. Их отличие проводилось по должностному лицу, осуществлявшему следственные мероприятия. Так, следствие проводилось следователем (военным следователем) или прокурором. Дознание – дознавателем по поручению командира части. Расследование – любым лицом по поручению командира (комиссара) части для выяснения интересующих обстоятельств. Оно назначалось «в сомнительных случаях» и называлось «устным расследованием».

Производство дознания должно было быть основано на принципах: непрерывности и быстроты, быстроты и всесторонности, объективности расследования, краткости и точности изложения. Роль командира в производстве дознания оставалась высокой: он ставил дознавателю задачи, определял сроки производства, освобождал дознавателя от иных обязанностей. После окончания дознания командир знакомился с материалами и мог потребовать их дополнения. Также командир принимал решение о передаче законченного дознания военному прокурору (следователю) или его прекращении. При этом его мнение о предании суду должно было быть «твердо выражено и мотивировано».

Цель дознания состояла в определении наличия состава преступления. Первостепенное значение также отводилось определению «социально-политического и морального лица обвиняемого». Инструкция требовала собрать «все характеризующие материалы» и не ограничиваться анкетным опросом.

Этот документ также требовал выявлять соучастников и подстрекателей, выявлять мотивы путем допроса товарищей и земляков обвиняемого, а также недочеты в работе армейских органов. От дознавателей требовалось критически оценивать все виды доказательств: свидетельские показания, заключения экспертов, вещественные доказательства, письменные документы, личные показания обвиняемого. Дознавателю запрещалось производить массовые обыски, осмотры сундуков в подразделении. Обыски могли производиться с разрешения командира части и в присутствии двух понятых. Отмечалось, что личный допрос обвиняемого не имеет «решительного доказательственного значения» и не рекомендовалось начинать дознание с данного вида следственных действий. Кроме того, рекомендовалось, по требованию обвиняемого, разрешать ему самому записывать свои показания.

Среди мер пресечения имели место: подписка о невыезде, поручительство, содержание под стражей. Последняя допускалась с разрешения командира и военного прокурора, но санкцию на арест разрешалось дать «по телефону». Также к рядовому и младшему начсоставу разрешалось применять «ближайшее наблюдение». Но данная мера не раскрывалась в Инструкции. Лиц, совершивших воинские (дезертирство), общеуголовные (кража, убийство) преступления, разрешалось задерживать с уведомлением военного прокурора и содержать на гауптвахте в течение 48 часов.

Раздел VIII Инструкции содержал рекомендации дознавателям по отдельным категориям дел. Например, по делам о дезертирстве требовалось допросить «ближайших товарищей и земляков», произвести «тщательный обыск в личных вещах дезертира, обращая внимание на его переписку», выяснить «мотивы побега и обстоятельства, способствовавшие ему». По делам о хищениях и внутриказарменных кражах рекомендовалось тщательно осмотреть место происшествия и «запротолировать результаты», осмотром и предварительным допросом установить подозреваемых. Сообщить в оперативно-розыскной отдел милиции приметы и передать опись украденных вещей. При краже из склада следовало обратить внимание на состав караула. При обнаружении «расхитителей» следовало «вскрыть их социально-политическое лицо».

По делам о несчастных случаях следовало обнаружить недочеты в несении службы. По делам о групповых нарушениях требовалось выявить четкость нарушенного приказа или правила, установить групповой характер, выявить подстрекателей и зачинщиков, а также недочеты в работе части, способствовавшие нарушению.

Инструкция подтверждала трехдневный срок производства дознания. Он мог быть продлен военным следователем или прокурором до 14 дней по делам о кражах, промотаниях, несчастных случаях, злоупотреблениях, халатности⁵.

Таким образом, в начале 1930-х гг. наблюдаются серьезные изменения в положении дознавателей. Во-первых, они были поставлены под более плотный контроль органов дознания (командиров части) и военных прокуроров (следователей). При этом роль комиссаров была отодвинута на второй план. Во-вторых, наблюдается более строгая регламентация их деятельности. В частности, произошло кардинальное сокращение сроков дознания (с 1 месяца до 3 дней). В-третьих, произошли изменения в структуре преступности. Если в 1920-е гг. обеспокоенность государства вызывали дела о порче, утрате, недостатке казенного имущества

⁵ См.: Сборник документов по истории советской военной юстиции. С. 298–308.

ва, об авариях, о подделке требований перевозки, то в 1930-е гг. – дезертирство, хищения и внутриказарменные кражи, несчастные случаи, групповые нарушения. В-четвертых, в начале 1930-х гг. законодатель предпринял попытку более четко разграничить следствие и дознание. Права дознавателей были сокращены. Однако размытой оказалась граница между дознанием и расследованием. В целом, Инструкцию 1933 г. можно оценить как документ, принятый в процессе завершения масштабной политико-правовой кампании конца 1920-х – начала 1930-х гг. и знаменовавший наступление периода социалистической законности. Отсутствовало разграничение статусов подозреваемый / обвиняемый. Уже на стадии дознания лицо объявлялось обвиняемым.

5 февраля 1940 г. приказом Наркомата обороны № 32 была введена в действие «Инструкция органам дознания Красной Армии». 9 июля 1940 г. приказом № 370 Наркомата Военно-морского флота вводится «Инструкция по производству дознания в ВМФ Союза ССР»⁶. В содержательном плане они очень похожи, но последняя имела большее количество заимствований из инструкции 1933 г.

В данных документах нет разграничения между дознанием и следствием. Отмечу, что в учебнике Д. Карева и Д. Черткова эти формы объединялись под термином «предварительное расследование»⁷. Основное отличие между ними состояло в том, кто проводит расследование – дознаватель или военный следователь (сотрудник органа государственной безопасности).

Под дознанием в инструкциях понималось расследование дел о преступлениях, а также чрезвычайных происшествий, производимое лицами начсостава (дознавателями) по распоряжению командира и комиссара воинской части. Дознание назначалось для расследования преступлений, совершенных военнослужащими вне зависимости от места совершения (в воинской части или за ее пределами).

Для расследования проступков, подлежащих разрешению в дисциплинарном порядке, командование могло назначать ведомственное (на флоте – административное) расследование. Последнее могло проводиться в произвольной форме (устно или письменно) и могло поручаться любому лицу начсостава. К нему не применялись нормы уголовного законодательства. Если в процессе ведомственного расследования выявлялся факт (состав) преступления, то назначалось дознание.

Среди обязанностей органа дознания указывались: немедленное извещение военного следователя о назначении дознания, обеспечение быстрого и полного производства дознания, своевременное направление

⁶ См.: Там же. С. 333–357.

⁷ См.: Карев Д. С., Чертков Д. Д. Особенности судопроизводства в органах военной юстиции. М., 1940. С. 57.

законченных дознаний. По завершении дознания командир (комиссар) имел право его прекратить, передать на рассмотрение в товарищеский суд, направить со своим заключением (мотивированным мнением) военному следователю для привлечения к уголовной ответственности. Прекращенное дознание могло быть истребовано военным прокурором или следователем для просмотра. Кроме того, орган дознания должен был периодически подводить итоги работы дознавателей: выявлять и устранять недочеты, поощрять лучших дознавателей.

Количество дознавателей в полку должно было составлять 5–6, на линейном корабле – 4–5. Их следовало назначать из числа «лучших партийных и непартийных большевиков». Среди обязанностей дознавателя отмечались: поддержание тесной связи с военным следователем и выполнение его указаний, соблюдение тайны дознания и правил УПК, участие в инструктажах и систематическое повышение квалификации. Дознаватель имел право непосредственного доклада командиру части по вопросам дознания, осмотра любых документов и места происшествия, проведения допросов (кроме командира и комиссара).

Деятельность дознавателей основывалась на двух принципах: полноты и всесторонности расследования (т.е. установления состава преступления); объективности расследования (сбор изобличающих и оправдывающих доказательств). Инструкция для ВМФ добавляла к ним еще быстроту и непрерывность дознания.

По-прежнему большое значение имело выяснение социально-политического и морального лица обвиняемого. Также дознаватель должен был исходить из того, что воинские преступления могли быть совершены вследствие подстрекательства классово-враждебных элементов. При установлении контрреволюционных мотивов преступления дознаватель РККА был обязан передать материалы в Особый отдел НКВД, а дознаватель ВМФ – военному следователю.

Среди действий дознавателя особое внимание в инструкциях уделялось осмотру места происшествия, допросу, очной ставке, мерам пресечения. Среди последних особое внимание уделялось задержанию и обыску. Срок проведения дознания остался прежним – 3 дня.

Руководство более всего беспокоили следующие категорий дел: о неисполнении приказа, об оскорблении, о дезертирстве (побеге), о промотании имущества, о нарушении уставных правил караульной службы, о пьянстве и хулиганстве, о кражах. Например, по делам о кражах рекомендовалось провести осмотр места происшествия и точно установить, «что похищено», его размер и стоимость, опросить, с соблюдением строгой секретности, потерпевшего и командование, выявить, «кому сбывались похищенные вещи» (проверить мастерские по ремонту одежды, обуви, часов), выявить недочеты организации службы.

При расследовании дел об оскорблении рекомендовалось выяснить: «находился ли оскорбитель или оскорбленный при исполнении служебных обязанностей»; «в чем именно выразилось оскорбление»; время и обстоятельства происшествия; личность виновного и потерпевшего; мотивы, состояние виновного.

Итак, правовое регулирование органов дознания и дознавателей отличалось определенной стабильностью. Инструкции 1933 и 1940 гг. воспроизводили сформировавшиеся нормы. В связи с этим возникает вопрос: с чем было связано их появление? В учебнике Д. Карева и Д. Черткова указывается увеличение роли командира как органа дознания в Инструкции 1940 г.⁸ Однако наш анализ демонстрирует, что роль командира по инструкциям 1933 и 1940 гг. не изменилась.

Вероятно, их издание связано с действовавшей моделью кампанейского правосудия. Издание инструкций совпадало с началом кампаний за укрепление дисциплины в вооруженных силах. Как правило, они проводились после крупных политико-правовых кампаний. Это было связано с тем, что при проведении последних существенно снижался уровень дисциплины в вооруженных силах. Кроме того, завершение политико-правовых кампаний, как правило, сопровождалось кадровыми чистками в органах государственной безопасности и военной прокуратуре, что обостряло кадровый голод и увеличивало нагрузку на действующих сотрудников. В связи с этим активизация деятельности органов дознания в вооруженных силах позволяла обеспечить начало борьбы за повышение уровня дисциплины с минимальными материальными затратами для государства. Таким образом, органы дознания являлись важным элементом в механизме кампанейского правосудия 1930-х гг.

Библиографический список

Голунский С. А. Военные суды и военная прокуратура / С. А. Голунский, Д. С. Карев. – М. : ВЮА, 1940. – 220 с.

Долицкий В. За что судит военный трибунал / В. Долицкий. – М. : ГВИ, 1931. – 50 с.

Ковальских Д. Военная полиция Министерства обороны Российской Федерации как орган дознания. Проблемы нормативного регулирования процессуальной деятельности / Д. Ковальских // Военно-юридический журнал. – 2023. – № 6. – С. 12–16.

Кожевников М. В. Подсудность уголовных дел / М. В. Кожевников. – М. : ЮИ НКЮ СССР, 1939. – 25 с.

Сборник документов по истории советской военной юстиции / сост. Л. Н. Гусев. – М. : РИО ВЮА, 1951. – 480 с.

Тепин М. Руководство по ведению дознаний в частях и учреждениях РККА / М. Тепин. – М. ; Л. : ГИОВЛ, 1928. – 188 с.

⁸ См.: Карев Д. С., Чертков Д. Д. Указ. соч. С. 52.

Шкаревский Д. Н. Деятельность органов дознания в вооруженных силах СССР в 1930-е гг. / Д. Н. Шкаревский // Военно-юридический журнал. – 2024. – № 5. – С. 42–45.

References

Collection of documents on the history of Soviet military justice / compiled by L. N. Gusev. – Moscow : RIO VYUA, 1951. – 480 p.

Golunsky S. A. Military Courts and Military Prosecutor's Office / S. A. Golunsky, D. S. Karev. – Moscow : VYUA, 1940. – 220 p.

Dolitsky V. What the military tribunal judges for / V. Dolitsky. – Moscow : GVI, 1931. – 50 p.

Kovalskikh D. Military Police of the Ministry of Defence of the Russian Federation as a body of enquiry. Problems of normative regulation of procedural activity / D. Kovalskikh // Military Law Journal. – 2023. – No. 6. – Pp. 12–16.

Kozhevnikov M. V. Subordination of criminal cases / M. V. Kozhevnikov. – Moscow : YUI NKYU SSSR, 1939. – 25 p.

Shkarevsky D. N. Activity of the bodies of enquiry in the armed forces of the USSR in the 1930s / D. N. Shkarevsky // Military-Juridical Journal. – 2024. – No. 5. – Pp. 42–45.

Tepin M. Guidelines for conducting enquiries in units and institutions of the Red Army / M. Tepin. – Moscow ; Leningrad : GIOVL, 1928. – 188 p.

Для цитирования:

Шкаревский Д. Н. Регламентация деятельности дознавателей советских вооруженных сил в 1930-е годы // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2025. № 1(10). С. 125–132.

Recommended citation:

Shkarevsky D. N. The regulation of the activities of investigators of the Soviet armed forces in the 1930th // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2025. No. 1(10). Pp. 125–132.

Сведения об авторе

Шкаревский Денис Николаевич – старший преподаватель 53 кафедры (ментальной безопасности) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, кандидат исторических наук, доцент

E-mail: shkarden@mail.ru

Information about author

Shkarevsky Denis Nikolayevich – Senior Lecturer of the 53rd Department (Mental Security) of the Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

E-mail: shkarden@mail.ru